

Глава 15

Принц Оранский

В мире, где царили хищнические законы, Голландия не могла бы ни создать, ни удержать богатство и могущество, если бы не вела постоянной борьбы. В результате этой борьбы в XVI веке родилась республика и протестантские провинции Северных Нидерландов освободились от хватки своего испанского хозяина, Филиппа II. В 1559 году они наконец обрели независимость. Все свое умение и упорство голландцы вложили в создание собственной морской державы, которая смогла разгромить испанских адмиралов, завладела торговыми путями Испании во всех океанах мира и заложила основу голландской колониальной империи. Но по мере того, как республика набиралась сил и богатела, она возбуждала все большую зависть и разжигала аппетиты двух самых могущественных своих соседей, Англии и Франции. Англичанам не давала покоя почти единоличная монополия Голландии в европейской торговле: и при Кромвеле, и при Карле II они не прекращали враждебных действий, что привело к трем англо-голландским морским войнам. В ходе второй из этих войн брат короля, герцог Йоркский (впоследствии король Яков II), во главе английской эскадры захватил в Америке голландскую колонию – Новый Амстердам, – а поселение на оконечности острова Манхэттен назвал в свою честь Нью-Йорком. Позже голландцы отплатили дерзким рейдом вверх по устью Темзы – ворвались в главную базу британского флота в Чатеме, сожгли четыре линейных корабля, стоявших на якоре, и ушли, ведя на буксире гордость королевского флота, судно «Ройял Чарльз». В этих войнах, где лицом к лицу столкнулись две нации мореплавателей, голландцы не просто сохранили свои позиции. Под началом прославленных адмиралов Тромпа и де Рейтера они на своих небольших боевых кораблях с закругленными носами так храбро и искусно сражались с более крупными и тяжелыми судами англичан, что вошли в историю как единственная нация, которой удавалось систематически брать верх над британским флотом⁶¹.

Против Англии Голландия воевала на морях и в колониях. Но подлинно смертельная опасность грозила Соединенным провинциям с суши, со стороны всесильного соседа – Франции. Приближенные Людовика в Версале считали, что своими успехами крохотная протестантская республика оскорбляет величие Франции, нагло унижает ее веру, а главное – становится уже помехой и соперником в торговле. Король, его министр финансов Кольбер и военный министр Лувуа были едины в стремлении сокрушить зарвавшихся выскочек-голландцев. В 1672 году французская армия, самая многочисленная и боеспособная в Западной Европе, под водительством самого Короля-Солнце хлынула через Рейн и наводнила страну: французы уже видели шпили Амстердама. Голландии пришел конец – вернее, пришел бы, не появившись на исторической сцене один из самых выдающихся деятелей XVII столетия, Вильгельм Оранский.

Вильгельм, принц Оранский и одновременно – штатгальтер (наместник) Голландии и Соединенных Нидерландов, а затем еще и английский король Вильгельм III, был едва ли не самой яркой фигурой из всех политиков, с которыми довелось встретиться Петру. В жизни Вильгельма произошли два поразительных события, если не сказать два чуда, которые определили его судьбу. Ему был двадцать один год, когда непобедимая французская армия захлестнула половину Голландии и на него возложили верховное военное командование и политическую власть с тем, чтобы он отразил агрессора. И Вильгельму это удалось. Через пятнадцать лет тридцатишестилетний Вильгельм, не выпустивший из рук голландских титулов и полномочий, возглавил первое со времен Вильгельма Завоевателя успешное вторжение в Англию.

⁶¹ Автор несколько преувеличивает успехи голландцев, которые в конечном счете оказались скорее эффектными, чем эффективными: в результате англо-голландских войн Англия сумела существенно потеснить Голландию в борьбе за господство на мировых рынках и морских торговых путях, о чем, кстати, сам автор пишет в следующей главе. – *Примеч. ред.*

Природа была немилостива к Вильгельму Оранскому, наделив его хрупким сложением, необычайно малым ростом и слегка искривленным позвоночником, отчего принц сильно горбился. Худое, смуглое лицо, черные глаза, длинный с горбинкой нос, полные губы и густые черные локоны придавали его облику что-то итальянское или испанское, но никак не голландское. И на самом деле, голландской крови в жилах Вильгельма было мало. Он был отпрыском весьма любопытного европейского рода: история этого правящего дома переплелась с борьбой Нидерландов за независимость, в то время как их наследственное владение, Оранж, лежало на сотни миль южнее – во Франции, в долине Роны, всего в нескольких милях к северу от Авиньона. Со времен Вильгельма Молчаливого, который в XVI веке возглавил сопротивление голландцев Испании, Оранский дом в дни опасности снабжал республику выборными правителями-штатгальтерами. Род был достаточно знатен, чтобы претендовать на родство с королевскими династиями, и добрая половина предков Вильгельма происходила из Стюартов. Английский король Карл I приходился ему дедом, мать была английской принцессой, а двое ее братьев, то есть дяди Вильгельма, Карл II и Яков II, также занимали английский престол.

Вильгельм стал главою Оранского дома с момента рождения, поскольку отец его неделей раньше умер от оспы. Ребенка растила бабка. Он страдал тяжелой астмой и в детстве был одиноким, хилым и несчастным. В Голландии в то время должность штатгальтера никем не была занята, а у власти находилась купеческая олигархия, во главе которой стояли братья Ян и Корнелис де Витт, верившие, что, проводя взвешенную, умиротворяющую политику, они сумеют сдерживать аппетиты Людовика XIV. Затем, в 1672 году (в год рождения Петра), наступил первый перелом в жизни Вильгельма. Той весной Лувуа предоставил в распоряжение Людовика великолепную новую стодевятитысячную французскую армию, стянутую к северной границе, в Шарлеруа. Людовик, прибывший туда, чтобы собственной персоной возглавить сокрушительный удар по протестантской республике, не предвидел больших затруднений. «С таким эскортом можно спокойно отправляться в небольшую прогулку по Голландии», – говорил довольный король.

Хотя верховным командующим был сам Король-Солнце, на деле приказы отдавали опытные полководцы, маршал Тюренн и принц Конде. Армия Людовика с легкостью преодолела Рейн по новым медным понтонным мостам. Голландские города и крепости падали один за другим, точно кегли. При виде неумолимо надвигавшихся французов население Голландии охватила паника. Начались бунты против братьев де Витт, которых все сочли лично ответственными за участь страны, и в Гааге разъяренная толпа учинила над братьями расправу.

В эту отчаянную минуту голландцы, подобно испуганным детям, кинулись за помощью к дому Оранских, откуда однажды, сто лет назад, уже приходило спасение. Вильгельму был всего двадцать один год, тем не менее 8 августа его назначили пожизненным штатгальтером Голландии и генерал-капитаном ее армии. Его программа была проста и сурова: «Биться до последней капли крови». Тут-то он и проявил те качества, которым суждено было его прославить. Вильгельм появился на поле боя в облачении главнокомандующего, на многие годы ставшим его обычным костюмом: небесно-голубой мундир голландской Голубой гвардии, легкие латы, закрывающие грудь и спину, пышный галстук из брюссельских кружев, перевязь и шарф оранжевого цвета, бахромчатые плетеные перчатки и пояс, широкополая шляпа с перьями. Этот хрупкий юный принц не покидал седла от рассвета до темна, не ведал усталости и, главное, не боялся бросить вызов самому Людовику и его закаленным в боях маршалам.

Меньше чем через неделю своего командования Вильгельму пришлось принять ужасное решение. Как он ни старался, его армия не могла остановить французов, безудержно рвавшихся к самому сердцу Соединенных провинций. Пал Арнем, за ним Утрехт – всего в двадцати двух милях от Амстердама. Тогда, понимая, что от великого порта Голландии французов отделяет лишь один дневной переход, голландцы по приказу Вильгельма открыли шлюзы плотин. Хлынувшее в глубь суши море затопило поля и луга, богатые сельские

усадеб и сады, погубило коров и свиней, уничтожило труд многих поколений. Солдаты открывали шлюзы, крестьяне же в отчаянии, не в силах покорно смотреть, как бурлящий поток поглотит их фермы, пытались этому воспротивиться. Амстердам, прежде почти беззащитный, превратился в остров, и французы, не имевшие никаких судов, могли только издали пожирать глазами славный город.

К досаде Людовика, Вильгельм не думал сдаваться, хотя голландская армия была разбита, а половина страны оказалась под водой. Голландские отряды не могли одолеть превосходящих сил французов, но стойко удерживали свои позиции и выжидали. Конде расположился на зимние квартиры в Утрехте, надеясь с наступлением зимы атаковать Амстердам по льду. Однако зима выдалась мягкая, и Людовик, которому всегда было неспокойно, если его армия подолгу находилась вдали от Франции, занервничал. Вильгельм тем временем усердно занимался дипломатией. Он всеми способами внушал австрийскому императору, властителям Бранденбурга, Ганновера, Дании и Испании, что военная мощь и амбиции Людовика представляют угрозу не только для Голландии, но и для других государств. Его доводы, а еще больше – стойкое сопротивление Голландии, возымели действие. Весной боевые операции возобновились. Маленькая армия Вильгельма принялась атаковать французские коммуникации, что еще сильнее обеспокоило Людовика. В конце концов французская армия отступила, попутно один за другим разрушая оставляемые города. Эта частичная победа – сохранение независимости Голландии – была почти исключительной заслугой воина и политика двадцати одного года от роду, который всего за несколько месяцев выдвинулся на второе место среди выдающихся государственных деятелей Европы.

В 1678 году наконец настал мир, но подозрения Вильгельма относительно притязаний Людовика не утихали никогда. Борьба против великого французского короля сделалась его навязчивой идеей. Он понимал, что ни одна страна в одиночку не справится с Францией. Поэтому всю жизнь он неустанно сколачивал союзы европейских государств, дабы достаточно уверенно противостоять замыслам Короля-Солнце, заключавшимся, по мнению Вильгельма, в установлении «единовластия и единоверия» во всей Европе.

Молодой герой быстро вырос в опытного правителя и солдата. Он обладал личной храбростью и неутомимостью, требовал суровой дисциплины от своих людей и сам служил им примером, однако великим полководцем он не был. Почти три десятилетия Вильгельм командовал голландской и английской армиями, но так и не достиг вершин воинского искусства. Его никак нельзя сравнить с фельдмаршалом – лейтенантом Джоном Черчиллем, первым герцогом Мальборо, ставшим его преемником на посту главнокомандующего антифранцузской коалицией. Вильгельм не обладал талантом выигрывать сражения – и часто проигрывал, – зато имел дар пережить поражение, сохранить волю к борьбе, отступить, переждать и подготовиться к новой кампании. Он был гением дипломатии. Суровый, непривлекательный, нетерпеливый, своевольный, необузданный, он по природе не выносил никаких препятствий на пути к цели. Однако Голландия не располагала силами и средствами поощрять эти свойства его характера, так что Вильгельму приходилось подавлять свои чувства, идти на компромиссы с союзниками, делать уступки, смягчать разногласия и ждать.

Вильгельм был кальвинистом, но при этом проявлял терпимость ко всем религиям: среди его союзников были папа римский и католический император Австрии; в его армии служили офицеры-католики. Все предубеждения и рознь отходили в тень, и единственным, с кем Вильгельм боролся не на жизнь, а на смерть, оставался Людовик. При этом надо учитывать, что в основе жизненных решений и поступков Вильгельма лежала непоколебимая кальвинистская вера в божественное предопределение. По его глубокому убеждению, и он сам, и все принцы Оранские до него являлись орудием Божьего промысла. Он верил, что Господь избрал их род, назначив им быть спасителями Нидерландов и защитниками протестантизма в Европе. Кроме того, он искренне считал, что на него возложена персональная миссия: схватиться в единоборстве с Людовиком ради будущего Европы. Поэтому, даже если армия Вильгельма проигрывала сражение, гранитное основание его веры

нисколько не было поколеблено: все, что предназначено свыше, свершится, а поражение – лишь способ испытать его, проверить, достоин ли он своей судьбы, способен ли и дальше оставаться поборником дела Господня. Вильгельму случалось иногда сомневаться и даже отчаиваться, но он никогда не сдавался, веруя, что Всевышний не оставит его – если понадобится, то и при помощи чуда. И потому, хотя силой он значительно уступал Людовику, Вильгельм, в отличие от французского короля, не страшился искушать судьбу отчаянными поступками. Именно благодаря одному из таких поступков (как тут не поверить в чудо!) Вильгельм в 1688 году внезапно очутился на английском троне.

Многие годы главная цель дипломатии Вильгельма, помимо удержания Голландии, состояла в том, чтобы оторвать от Франции Карла II Английского, своего беспринципного дядюшку, и объединить Англию и Голландию в антифранцузском союзе. Добиться полного успеха ему не удалось, но с 1672 года, когда воцарился тревожный, неустойчивый мир, Англия соблюдала нейтралитет. В 1677 году двадцатилетний Вильгельм из тех же политических соображений женился на своей кузине, племяннице Карла II, пятнадцатилетней принцессе Марии Английской. Этот брак не был союзом любви – женщины вообще мало что значили для Вильгельма, – и детей у четы тоже не было. Но Мария оказалась преданной супругой, покинула Англию и постаралась стать настоящей голландской принцессой, даже на родину не ездила целых десять лет после свадьбы. Ее очень полюбил народ Голландии, и она отвечала ему взаимностью. Никаких надежд вступить на английский престол у Марии не было: перед ней шел правящий монарх – ее дядя Карл II, затем все его законные наследники мужского пола, а за ними ее отец, герцог Йоркский, уже со своими законными наследниками мужского пола.

Однако в 1685 году после двадцатипятилетнего пребывания на английском престоле Карл II умер, не оставив законных детей, и трон перешел к его младшему брату, прославленному английскому адмиралу, герцогу Йоркскому Якову. Смена монарха сильно повлияла на позицию Англии. Яков был честен, прямодушен, горделив, целеустремлен и бесхитроустен. Он родился протестантом, в тридцать пять лет перешел в католичество и с тех пор проявлял характерный для новообращенных фанатизм, который из всех сил поддерживала в нем вторая жена-католичка Мария Моденская. Ежедневно – будь это палуба корабля или особая деревянная часовенка на колесах, которую везли туда, куда двигалась армия, – Яков дважды слушал мессу.

Взойдя на трон, Яков поспешил изменить соотношение политических сил в Англии. Поначалу он просто отменил ограничения, введенные для английских католиков враждебно настроенным протестантским большинством. Но со временем все больше католиков оказывалось на ключевых постах в государстве. В порты по берегу пролива Ла-Манш были назначены коменданты-католики, а флот, базировавшийся в проливе, возглавил адмирал-католик. Недовольство протестантов быстро нарастало, но одно важное обстоятельство удерживало их от открытого выступления: Яков не имел сыновей, а обе его дочери, Мария и Анна, были протестантки. Поэтому английские протестанты надеялись дождаться смерти Якова и воцарения Марии, тем более что мужем Марии, которому предстояло разделить с ней трон, был Вильгельм Оранский. Кстати, права Вильгельма на английский престол лишь частично основывались на браке с Марией; он имел на него и собственные права, как единственный племянник королей Карла II и Якова II, и наследовал его после Марии и Анны.

Вильгельм в общем неплохо относился к своему дядюшке, но католик на английском троне представлял для него страшную угрозу, поскольку это могло привести к объединению католической Франции с католической Англией против протестантской Голландии. И тем не менее он также был готов спокойно дожидаться смерти Якова и восшествия на престол своей жены Марии. Но 20 июня 1688 года супруга Якова, Мария Моденская, родила сына. У католического короля появился наследник-католик. Когда значение этого факта дошло до сознания английских протестантов, их взоры немедленно обратились на Вильгельма. И хотя последовавшие затем события рассматривались сторонниками Якова (так называемыми

якобитами) как узурпация английского трона чудовищно жестоким и своекорыстным королевским племянником и зятем, на самом деле мотивы действий Вильгельма почти не имели отношения к Англии и были полностью связаны с Францией и Европой в целом. Не честолюбивое желание стать английским королем и не забота о сохранении английских свобод и прав парламента двигали Вильгельмом, а лишь стремление удержать Англию в протестантском лагере.

Приглашение сменить дядю на английском престоле направили Вильгельму семь выдающихся протестантских лидеров Англии, среди которых были как виги, так и тори. Вильгельм заручился поддержкой голландских Генеральных штатов, посадил двенадцатитысячную армию на двести торговых судов, и те в сопровождении сорока девяти военных кораблей взяли курс к берегам Англии. Это был почти весь голландский флот. Незаметно миновав сторожевые английские и французские флотилии, он пришвартовался в Торбее на побережье Девоншира. Вильгельм сошел на берег, предшествуемый знаменем, на котором был начертан древний девиз дома Оранских: «Je maintiendrai» – «Я отстою» – и слова, добавленные к нему Вильгельмом: «...английские вольности и протестантскую веру».

Яков послал самого опытного из своих полководцев и близкого личного друга, Джона Черчилля, в то время носившего титул графа Мальборо, остановить армию Вильгельма, однако Мальборо, который сам был протестантом, сразу же перешел на сторону завоевателей. Так же поступила вторая дочь Якова, принцесса Анна, вместе со своим мужем, принцем Георгом Датским. Это сломило короля. Воскликая: «Помоги мне, Господи! Даже мои собственные дети покинули меня!» – король как был, небритый, бежал из Лондона. Проезжая по мосту над Темзой, он бросил в воду Большую государственную печать и с тем отплыл во Францию. Там, в замке Сен-Жермен-ан-Лэ, где и покоятся его останки, этот гордый и упрямый монарх прожил тринадцать лет пенсионером французского короля. У него был убогий «теневого» двор и горстка ирландских гвардейцев. Все они хлебом насущным были обязаны Людовику, и тот тешил свое тщеславие, видя изгнанного короля у своих ног в роли прихлебателя.

Положение Марии в столкновении между ее отцом и мужем было мучительно, но как протестантка и преданная жена она поддерживала Вильгельма. Явившись в Англию, она быстро отмела все попытки склонить ее к единоличному правлению, без участия мужа. Поэтому парламент провозгласил совместное правление Вильгельма и Марии, добившись от них, в свою очередь, Билля о правах и других привилегий, которые и поныне составляют ядро британской Конституции.

События 1688 года знаменовали собой разительные перемены в политической и конституционной истории Англии и именуется Славной революцией, но по иронии судьбы Вильгельма все эти процессы совершенно не трогали. Он соглашался на все, о чем бы ни попросил парламент, лишь бы заручиться его поддержкой для осуществления своих планов в Европе. Он предоставил другим заниматься внутренними делами, а сам старался держать в руках внешнюю политику Англии, согласуя ее с интересами Голландии, и даже слил воедино деятельность обеих дипломатических служб. Внешняя же политика сводилась, попросту говоря, к войне с Францией, и Англия, заполучив Вильгельма, в придачу получила и эту войну. В сущности, была заключена сделка: парламент согласился на войну во имя защиты и утверждения верховенства протестантизма, а Вильгельм согласился на верховенство парламента, чтобы обеспечить участие Англии в борьбе с Людовиком.

Среди жителей Британских островов Вильгельм чувствовал себя не в своей тарелке. Он терпеть не мог английской погоды, от которой у него обострялась астма, и не любил англичан: «Что говорить, этот народ создан не для меня, а я не для него». Вильгельм тосковал по Голландии. В 1692 году, во время ежегодной Гаагской ярмарки, он вздыхал: «Эх, был бы я птицей, обязательно слетал бы туда». В другом случае он сказал, что без Голландии он как рыба без воды».

Англичане платили Вильгельму такой же горячей нелюбовью. Они ставили ему в упрек замкнутость, молчаливость, угрюмость по отношению к английским подданным, а также

отвращение к их обычаям, традициям, партиям, политической жизни и к Лондону. Но королева Мария оставалась ему преданной (даже когда он взял себе в любовницы умную и острую на язык Элизабет Вильерс) – правила Англией от его имени, если он отлучался из королевства, и совершенно отходила от политики при его возвращении. Когда она в тридцать два года умерла от оспы, Вильгельм горько оплакивал ее. Он остался единовластным монархом, одиноким, бездетным человеком – ему наследовала сестра Марии, принцесса Анна. Французы, которые всегда рады были поверить самым скверным сплетням об этом странном тщедушном короле, так отчаянно с ними боровшемся, болтали, будто Вильгельм влюблен в графа Албемарла.

Особенно не любил Вильгельм в англичанах того, что он считал наивным пренебрежением собственными долгосрочными интересами, их спесивого равнодушия к делам Европы – другими словами, того, что в них не чувствовалось преданности его великому делу. Будучи королем Англии, он связал английские интересы с голландскими, но не подчинил одни другим. Наоборот, в качестве лидера европейской коалиции он считал свою роль всеобъемлющей. Он начал говорить о Европе как о некоем единстве, и в письмах утверждал, что ставит целью достижение «общеевропейских интересов».

Не прошло и двух лет после коронации Вильгельма, как Англия вступила в войну с Францией, – иначе и быть не могло. Война длилась девять лет, результаты ее были неубедительны, и Рисвикский договор, который разрабатывался в Гааге в 1697 году, как раз во время визита Петра в Голландию, не внес изменений в границы, хотя по его условиям Людовик наконец признал Вильгельма английским королем. После этого настала небольшая мирная передышка, и Людовик с Вильгельмом даже сотрудничали, чтобы предотвратить международный кризис, который неминуемо должен был разразиться после смерти немого испанского короля Карлоса II, не имевшего наследника. Решение, к которому они пришли, сводилось к разделу испанских владений, но Карлос расстроил их планы, завещав и свое королевство, и всю империю внуку Людовика, так что Король-Солнце разорвал свой договор с Вильгельмом. Тот, естественно, не желал смириться со слиянием территорий и сил Франции и Испании и снова неугомонно принялся сколачивать антифранцузскую коалицию⁶².

Последовала великая война, известная как война за Испанское наследство, которая тянулась одиннадцать лет и стала тем рубежом, где кончалась Европа XVII века и начиналась Европа XVIII века. Непосредственным итогом войны была победа антифранцузской коалиции и осуществление целей Вильгельма: Франция осталась в собственных границах, Голландия сохранила свободу, а протестантизм укрепился в Европе. Но Вильгельм уже не увидел этого. Ранней весной 1702 года, накануне объявления войны, король отправился покататься верхом на своем любимом жеребце по Хэмптон-Кортскому парку. Конь споткнулся, всадник вылетел из седла и сломал ключицу. Сначала казалось, что ничего серьезного не произошло, но к тому времени пятидесятилетний Вильгельм был слишком изнурен жизненными тяготами. Глаза его глубоко запали, его мучил непрерывный астматический кашель. В истощенном теле не оставалось сил для борьбы, и 19 марта Вильгельм скончался.

* * *

Петру повезло, что Вильгельм оказался в Голландии, когда туда прибыло Великое посольство. Вильгельм занимал первое место среди западных властителей, которых Петр с юных лет считал своими героями. Долгими вечерами в Немецкой слободе, беседуя с голландцами, немцами и другими иностранцами, которые в большинстве были

⁶² Планы Франции не были расстроены, Карлос принял это решение под нажимом Людовика. С ними соглашались Англия и Голландия, но как только Людовик объявил своего внука также и наследником трона Франции, война стала неизбежна: допустить объединение Франции и Испании союзники не могли. – *Примеч. ред.*

протестантами, сторонниками Вильгельма и противниками Франции, Петр слушал бесчисленные истории о бесстрашном, умном и настойчивом голландце. Петр был заранее настроен высоко оценить все голландское, хотел узнать секреты голландских корабельных мастеров, надеялся заручиться помощью Голландии в войне России с турками и, конечно, мечтал встретиться с королем и штатгальтером, которым давно восхищался.

Их первая встреча произошла в Утрехте, куда Петр приехал в сопровождении Витсена и Лефорта. Свидание носило совершенно частный и непринужденный характер, что всегда было по вкусу обоим монархам. Они составляли гротескную пару – маленький, холодно-сдержанный голландец с горбатой спиной и астматическим хрипом и высоченный, юный, порывистый русский. На предложение Петра присоединиться к христианскому союзу против Турции Вильгельм не откликнулся. Хотя он и вел мирные переговоры с Францией, крупная война на востоке была для него нежелательна, так как она могла бы отвлечь силы его австрийского союзника и подвигнуть Людовика XIV пуститься в новые авантюры на западе. В любом случае по протоколу Петр не сам должен был передавать свое обращение Вильгельму, но русские послы – официальным правителям Голландии, их высочайшим светлостям Генеральным штатам, находившимся в столице государства, Гааге. Там Великому посольству надлежало вручить верительные грамоты и изложить суть дела, и Петр чрезвычайно серьезно отнесся к предстоящему событию. У России не было постоянных послов или посольств за границей, поэтому организация столь крупной миссии, возглавляемой тремя видными государственными деятелями России (даже если не принимать во внимание официально отрицаемое присутствие монарха), и характер приема, который ей оказывали, – все это имело для Петра огромное значение. Он страстно желал, чтобы дебют посольства оказался удачным, и Рисвик представлял собой для этого отличную сцену. Сюда съехались самые выдающиеся политики и дипломаты всех крупных европейских держав в качестве участников или наблюдателей на решающих мирных переговорах по итогам войны с Францией. Все, что происходило в Рисвике, привлекало повышенное внимание и тут же попадало в донесения, которые рассылались во все столицы, каждому монарху Европы.

Русские послы в Амстердаме все дни проводили в хлопотах, готовясь к аудиенции. Они заказали три великолепных придворных экипажа, новые платья для себя и ливреи для слуг. Тем временем в Гааге им сняли две гостиницы и завезли туда большие запасы вина и продовольствия. Пока шла подготовка, Петр надумал сопровождать послов инкогнито, чтобы посмотреть, как их будут принимать. Витсену было трудно выполнить эту просьбу, но еще труднее отказать. Петр поехал в одной из карет поменьше и настоял, чтобы с ним ехал его любимец карлик, хотя карета и так уже была переполнена. «Что ж, – сказал царь, – тогда я посажу его к себе на колени». По пути из Амстердама в Гаагу Петр увидел много нового и интересного. Проезжали какой-то заводик, и Петр спросил, для чего он. Ему сказали, что здесь распиливают камень, и он заявил, что хочет сам посмотреть. Карета остановилась, но на дверях висел замок. Даже ночью, проезжая по какому-то наплавному мосту, Петр пожелал изучить его конструкцию и сделать замеры. Экипаж опять остановился, принесли фонари, и царь измерил длину и ширину моста. Он принялся было определять глубину его понтонов, но тут фонари задуло ветром.

В Гааге Петра отвезли в отель «Амстердам» и провели в красивую комнату с роскошным ложем. Петр все это отверг и выбрал взамен маленькую комнатку с простой кроватью под самой крышей гостиницы. Однако через несколько минут он решил, что хочет находиться вместе со своими послами. Было за полночь, но царь настоял, чтобы снова заложили лошадей и отвезли его в отель «Деленс». Тут опять ему показали прекрасные покои, которые ему не подошли, и он сам отправился искать себе ночлег. Заметив, что кто-то из посольской obsługi крепко спит, устроившись прямо на полу, на медвежьей шкуре, Петр растолкал его со словами: «Давай, давай, вставай!» Слуга с ворчанием перевернулся на другой бок. Петр снова пхнул его ногой: «Живей, живей, я хочу здесь спать». На этот раз слуга сообразил, что к чему, и вскочил на ноги. Петр растянулся на теплой шкуре и уснул.

В день приема послов Генеральными штатами Петр оделся по-европейски, как придворный кавалер. На нем был синий с золотом костюм, белокурый парик и шляпа с белым пером. Витсен провел его в комнату рядом с залом, где должна была состояться церемония приема. Отсюда Петр мог все видеть и слышать через окошко. Там он и ждал появления своих послов. «Опаздывают», – волновался царь. Он стал еще нетерпеливее, когда заметил, что все оборачиваются, чтобы взглянуть на него, и услышал нарастающий гул возбуждения – люди шепотом передавали друг другу, что царь в соседней комнате. Он хотел было скрыться, но для этого надо было пересечь битком набитый аудиенц-зал. Совсем потеряв голову, Петр попросил Витсена приказать членам Генеральных штатов отвернуться, чтобы они не видели, как он пройдет через зал. Витсен отвечал, что нельзя приказывать этим господам, являющимся верховными правителями Голландии, но что он их попросит. Члены высокого собрания выразили готовность встать в присутствии царя, но повернуться к нему спиной не соглашались ни за что. Узнав об этом, Петр зарылся лицом в свой парик, стремительно прошагал через зал, выскочил в вестибюль и сбежал вниз по лестнице.

Через несколько минут в зале появились послы и состоялась аудиенция. Лефорт по-русски произнес речь, которую перевели на французский, и преподнес их высоким светлостям роскошную коллекцию собольих шкур. Лефорт, в Москве одевавшийся по-европейски, был по случаю приема облачен в московское парчовое платье с меховой оторочкой. Его шапка и меч искрились алмазами. Головин и Возницын облачились в черный атлас, расшитый золотом, жемчугами и алмазами, на груди у каждого висел медальон с портретом царя, а на плечах красовались шитые золотом двуглавые орлы. Послы произвели хорошее впечатление, все восхищались русскими костюмами и говорили о царе.

Находясь в Гааге, Петр сохранял свое инкогнито, встречаясь с голландскими государственными деятелями в неофициальном порядке и отказываясь от всякой публичной демонстрации собственной персоны. Он побывал на банкете в честь дипломатического корпуса, где сидел рядом с Витсеном. Его встречи с Вильгельмом продолжались, хотя не сохранилось никаких записей их бесед. Наконец, удовлетворенный тем, как встретили его послов, он оставил их вести переговоры с Генеральными штатами и возвратился в Амстердам – работать на верфи. На переговорах посольство добилось лишь частичного успеха. Голландцы не были заинтересованы в крестовом походе против турок, а поскольку их обременяли долги, накопившиеся из-за войны с Францией, и к тому же требовалось заново строить собственный флот, то они отказали русским в просьбе помочь в сооружении и оснащении семидесяти боевых кораблей и более сотни галер для плавания в Черном море.

Осенью Петр нередко совершал экскурсии в карете, как правило, вместе с Витсеном, по плоским, низменным сельским провинциям Голландии. Проезжая по этой земле, бывшей некогда дном мелководного моря, он разглядывал окрестности с разбросанными тут и там ветряными мельницами и церквями с высокими красными шпилями, луга, на которых паслись тучные стада, маленькие, построенные из кирпича городки с кирпичными же мостовыми. Особенное удовольствие доставляло Петру видеть реки и каналы, кишевшие лодками и баржами. Часто, когда плоская поверхность земли не позволяла заметить границу между сушей и водой, казалось, будто коричневые паруса и мачты плывут по широким полям.

Однажды Витсен повез Петра на парадной яхте на остров Тексел у берегов Северного моря посмотреть, как возвращается китобойная флотилия из Гренландии. Место было пустынное – пологие дюны, низкорослые деревья, белый прибрежный песок. В порту Петр поднялся на одно из прочных трехмачтовых судов, внимательно его осмотрел, задавал много вопросов о китах. Чтобы он мог увидеть все своими глазами, на воду спустили китобойную шлюпку, и команда продемонстрировала, как охотятся с гарпунами на кита. Петр изумлялся их меткости и слаженным действиям. Затем, хотя на корабле разило ворвань, царь спустился в трюм, чтобы увидеть помещения, где разделявали китовые туши и кипятили ворвань, добывая из нее драгоценный жир.

Несколько раз Петр потихоньку наведывался в Саардам к своим товарищам, которые по-прежнему там работали. Меншиков учился делать мачты, Нарышкин изучал кораблевождение, Головкин и Куракин строили корабельные корпуса. Обычно царь отправлялся туда по воде; кроме того, он выходил поплавать под парусом вблизи Саардама. Однажды, когда он, не вняв предостережениям, вышел в шторм, его лодка перевернулась. Петр выбрался из воды и терпеливо сидел на перевернутой лодке, ожидая, пока его спасут.

Если на верфи царь был огражден от людской назойливости, то защитить его от любопытных во время плаваний по Эю было невозможно. За ним непрерывно увязывались лодчонки, полные зевак. Это всегда его сердило. Однажды, по настоянию нескольких дам-пассажиров, шкипер почтового судна попытался идти нос в нос с лодкой Петра. Разъяренный Петр швырнул в голову шкипера две пустые бутылки. Он промахнулся, но все же судно изменило курс и оставило его в покое.

Еще в начале своего визита Петр познакомился со знаменитейшим из тогдашних голландских адмиралов, учеником де Рейтера, Гиллесом Скеем. Именно Скей порадовал его самым восхитительным и приятным зрелищем за все время пребывания в Голландии: он устроил крупное учебное морское сражение в бухте Эй. В нем пригласили участвовать судовладельцев Северной Голландии, и на всех судах, способных нести артиллерию, установили пушки. Отряды солдат-добровольцев разместили на палубах и вантах больших судов с заданием стрелять холостыми – изображать мушкетный огонь во время битвы. Воскресным утром, при безоблачном небе и свежем ветре, сотни судов собрались возле дамбы, на которой толпились тысячи зрителей. Петр с членами Великого посольства взошел на борт пышной яхты Ост-Индской компании, которая направилась к флотилиям, уже выстроенным в две линии, одна напротив другой. В честь гостей прозвучал салют, и сражение началось. Сначала обе стороны дали несколько залпов, затем стали завязываться поединки между кораблями. Они сходились и расходились, брали противника на абордаж, лавировали в дыму и пальбе. Все это так понравилось царю, что он велел направить свою яхту в самую гущу сражения. Неумолчный грохот орудий заглушал все остальные звуки, а «царь был в неопишемом восторге». После полудня произошло несколько опасных столкновений кораблей, что вынудило адмирала дать команду обеим сторонам прекратить бой.

Петр нередко обедал со Скеем и старался переманить адмирала в Россию, чтобы тот руководил строительством русского флота и взял на себя командование, когда его спустят на воду. Он предлагал Скею любые титулы, какие он только пожелает, денежное содержание в 24 000 флоринов, содержание его жене и детям, если те предпочтут остаться в Голландии, и обещал лично все уладить с Вильгельмом. Скей отказался, отчего Петр не стал уважать его меньше, и предложил вместо себя другого адмирала, способного и возглавить строительство, и командовать флотом. Это был Корнелис (Корнелий) Крюйс, родившийся в Норвегии в голландской семье. Он имел чин контр-адмирала, занимал пост Главного инспектора военноморских складов и оборудования голландского адмиралтейства в Амстердаме и в этом качестве уже помогал русским советами при закупке всевозможных корабельных приборов и оснащения. Петр искал именно такого человека, но, как и Скей, Крюйс без особого восторга встретил предложение Петра. Лишь объединенными усилиями Скей, Витсен и другие именитые граждане, понимавшие, что Крюйс сможет оказывать большое влияние на торговую политику России, уговорили упрямого адмирала согласиться.

За исключением времени, потраченного на посещение Гааги и на поездки в другие части Голландии ради знакомства с интересными местами и людьми, Петр все четыре месяца усердно проработал на верфи. 16 ноября, через девять недель после закладки фрегата, настало время спускать его на воду, и на церемонии спуска Вятсен, от имени города Амстердама, подарил судно Петру. Расчувствовавшись, царь обнял бургомистра и здесь же дал фрегату имя «Амстердам». Позже это судно с грузом многочисленных устройств и механизмов, закупленных Петром, было отправлено в Архангельск. Но как ни радовал Петра его фрегат, все же еще больше гордился царь скромной бумагой, полученной от Геррита

Пооля, главы плотницкой артели, и удостоверившей, что Петр Михайлов четыре месяца проработал на его верфи и показал себя способным и опытным плотником и в совершенстве овладел наукой строительства кораблей.

И тем не менее Петра смущало качество его голландского образования. В сущности, он узнал лишь то, что «подобало доброму плотнику знать», – правда, на более высоком уровне, чем прежде в России, но не к этому он стремился. Петр хотел постичь основы основ кораблестроения, то есть действительно научиться проектировать и строить корабли. Ему хотелось по всем правилам делать точные, математически выверенные чертежи, а не просто наловчиться работать топором и молотком. Но голландцы в кораблестроении, как и во всем остальном, опирались только на собственный опыт. Каждая верфь придерживалась лишь ей присущей, выработанной на практике конструкции судов, каждый корабельный мастер строил то, что у него хорошо получалось раньше, и не существовало единых основополагающих принципов, которые Петр мог бы перенести в Россию. Ему предстояло построить флот за тысячу миль от Голландии, на Дону, руками совершенно не обученных рабочих. Для этого требовались такие методы и приемы, которые люди, никогда прежде не видавшие кораблей, могли бы легко перенять и повторить.

Возраставшее разочарование Петра в голландском кораблестроении проявлялось по-разному. Во-первых, он послал в Воронеж распоряжение, чтобы работавшим там голландским корабельщикам не разрешали строить как в голову придет, а учредить над ними надзирателей-англичан, венецианцев или датчан. Во-вторых, теперь, когда готов был его фрегат, он постановил отправиться в Англию изучать английские приемы кораблестроения. В ноябре, во время одной из бесед с Вильгельмом, Петр упомянул о своем желании посетить Англию. Когда король вернулся в Лондон, Петр послал следом майора Адама Вейде с официальным запросом о разрешении побывать в Англии под чужим именем. Ответ Вильгельма окрылил Петра. В нем говорилось, что король преподносит царю великолепную новую королевскую яхту, пока еще недостроенную, которая по завершении обещает стать самой изящной и быстроходной яхтой в Англии. Кроме того, Вильгельм сообщал, что для препровождения царя к берегам Англии высылает два военных корабля, «Йорк» и «Ромни», и с ними три судна поменьше, под началом вице-адмирала сэра Дэвида Митчелла. Петр решил взять с собой только Меншикова и нескольких волонтеров, а Лефорту и большую часть посольства оставить в Голландии продолжать переговоры.

7 января 1698 года, проведя в Голландии без малого пять месяцев, Петр и его спутники поднялись на борт «Йорка», флагмана адмирала Митчелла, а ранним утром следующего дня уже плыли через узкую серую полосу морской воды, отделяющую континент от Англии.